

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. МАШКИН, История древнего Рима, ГИПЛ, М., 1949, 736 стр., тираж 50 000 экз., ц. 18 руб.¹

Вышедшая в 1950 г. вторым изданием «История древнего Рима» покойного Н. А. Машкина значительно отличается от предшествующего, первого, издания 1947 г. Автор пересмотрел и в некоторых частях переработал свой труд, учтя ряд пожеланий и указаний, высказанных при обсуждении учебника в Институте истории АН СССР и в рецензиях, появившихся в печати.

Объем учебника по сравнению с первым изданием возрос на 51 страницу. Это увеличение произошло за счет включения в текст книги новых частей и расширения некоторых разделов. Значительное развитие получило «Введение». Здесь, кроме определения места истории Рима в общей истории античных рабовладельческих обществ, введено указание на то, что на примере Рима «можно проследить зарождение, развитие и упадок рабовладельческого общества и государства в наиболее развитых, классических формах» (стр. 3). Здесь же автор дал краткую характеристику главнейших периодов римской истории и основных черт социально-экономического и политического развития. Автор указывает, что в последние века Римской империи начали складываться те отношения, которые получили преобладание в эпоху средневековья; с другой стороны, римская история является заключительным периодом истории развития рабовладельческой формации.

Больше всего изменений внесено в первые главы: «Источники римской истории» и «Историография древнего Рима». Глава первая значительно расширена. В старом издании она занимает 26 страниц, здесь — 30. Автор учел указания рецензентов, в частности, К. К. Зельина («Вестник высшей школы», № 1, 1949), на необходимость подробнее разяснить вопрос о римской исторической традиции и степени ее достоверности.

В новом издании более обстоятельно толкуется о возникновении и ходе развития римской традиции, степени ее достоверности, ее ценности как исторического источника; указывается, какие документальные данные лежали в основе традиции, ставится вопрос о достоверности этих документов, консульских фаст и т. д. Автор пишет: «Фальсификация фаст несомненна, но тем не менее в основе своей фасты достоверны, можно говорить об интерполяции в фастах и недостаточной их точности» (стр. 10). Указывается также на особые черты того легендарного материала, который входил в состав традиции.

Говоря о произведениях старших анналистов, автор резко подчеркивает их аристократические тенденции и указывает на греческое влияние в обработке ими некоторых исторических известий. В результате изменений, которые автор внес в раздел римской исторической традиции, читатель получает более правильное представление.

В остальные части этой главы также внесены некоторые изменения и уточнения. В характеристику Саллюстия введено указание на его раннюю работу — «Письма к Цезарю» и ее политическую направленность, отмечено значение его как исторического источника; больше сообщается о произведениях Иосифа Флавия; указывается на содержание его книг и характер этого источника.

¹ Печатаемая настоящую рецензию, редакция ВДИ приглашает авторский коллектив и читателей высказываться на страницах журнала по поводу учебников по древней истории.

В заключительной части этой главы Н. А. Машкин резче подчеркивает тенденциозность римской историографии, ее проримские позиции в освещении событий прошлого, особенно раннего периода истории Рима.

Глава вторая в некоторых частях значительно переработана. Эта переработка проведена в двух направлениях: во-первых, шире представлена русская дореволюционная историография и более подробно разработана часть, касающаяся советской историографии по древнему Риму; во-вторых, заострена критика зарубежной историографии.

Говоря о развитии русской науки в области изучения древнего Рима, Н. А. Машкин указал в новом издании учебника на интерес к римской истории, возникший еще в Киевской Руси (стр. 44). В разделе «Начало изучения римской истории в России» Н. А. Машкин ввел характеристику Крюкова, указав на значение его работы, ряд выводов которой опередил науку того времени. Расширена часть, посвященная Грановскому. Н. А. Машкин отмечает, что «всемирно-исторический аспект развития Империи (данный Грановским.— О. С.) был серьезным вкладом в русскую науку» (стр. 44).

В разделе «Русская историография конца XIX — начала XX вв.» говорится о значении работ и педагогической деятельности Герье. Автор вводит и характеристику Драгоманова, указывая на значение его критики тенденциозной католической историографии и шовинизма в националистической германской историографии. Более подробно говорится о трудах Э. Гримма и его полемике с Моммзеном.

Следует отметить, что, подчеркивая значение русских дореволюционных работ и более прогрессивные позиции, занимаемые русскими учеными по многим вопросам истории Рима, Н. А. Машкин рассматривает их работы в критическом аспекте. Автор указывает, что им не всегда удавалось избежать модернизма и гиперкритики. Говоря о Спайском, Н. А. Машкин отмечает его идеализм, злоупотребления методом аналогий, указывает, далее, на отрыв политической истории от социальной и пренебрежение археологией. Автор отмечает игнорирование социальной борьбы Петрушевским, дает критику Герье как историка-идеалиста и т. д. В новом издании дается критический разбор работы Ростовцева о колонате. Н. А. Машкин указывает на главные пороки этой книги и, в частности, на отказ Ростовцева «видеть в колонате социальное явление определенной эпохи» (стр. 60).

В разделе, посвященном советской историографии, дана характеристика вышедших за последние годы работ советских ученых: В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», А. Б. Равовича «Восточные провинции Римской империи», В. Н. Дьякова «История римского народа в античную эпоху», С. И. Ковалева «История Рима», книги Д. П. Каллистова и др.

Что касается западноевропейской историографии, то здесь автор учел ряд замечаний, высказанных как в печати, так и во время обсуждения первого издания учебника. Как уже указывалось выше, в новом издании дана более заостренная критика зарубежной историографии, уточнены некоторые формулировки в характеристике буржуазных ученых, более соответствующие их истинному положению в науке. Так, Нибур (стр. 43) назван не «основателем», как раньше, а «сторонником критического направления», что более правильно: критическое отношение к римской традиции возникло задолго до Нибура; устранена также преувеличенная оценка значения работы Гиббона для истории Византии.

Особое внимание при переработке своего труда Н. А. Машкин уделил пересмотру страниц, посвященных Моммзену; здесь резче и убедительнее показан модернизм Моммзена, подчеркнута антиисторичность Моммзена в его работе «Римское государственное право», где юридические нормы и политические установления рассматриваются как действительные для всех веков и периодов римской истории. Расширен также критический разбор французской идеалистической историографии (Фюстель де Куланж).

Последующие разделы, относящиеся к западноевропейской науке, также подверглись критическому пересмотру. Автор указывает на основной порок западной историографии: она остается на модернистских позициях, поскольку зарубежные

авторы не видят разницы между рабовладельческим обществом и иными общественными формациями.

Переходя к историографии XX в., Н. А. Машкин особо подробно останавливается на разборе работы Ростовцева «Социально-экономическая история Римской империи» и показывает, что Ростовцев принял большинство реакционных положений историографии конца XIX — начала XX в. Н. А. Машкин указывает, что работа Ростовцева в империалистических странах была использована как средство реакционной пропаганды (стр. 66). Автор подчеркивает фидеизм и эклектизм, характерные для историографии Запада в этот период.

В новом издании введена критика англо-американской историографии; указывается на процветание в ней расовой теории, на ее реакционный характер, на проводимую здесь апологию римской экспансии для оправдания современной агрессивной и захватнической политики империалистов.

Изменениям подвергся и ряд других глав учебника. В главе четвертой несколько пополнен фактическим материалом параграф «Переход к бронзе; культура террамар» и выделен как особый параграф «Переход к железу; культура Виллановы». Этим достигнута большая ясность и четкость сведений о древнейших периодах развития до-римской Италии.

Автор внес изменения и в расположение отдельных частей этой главы. В старом издании вначале давалась характеристика этрусков, затем греческих городов юга Италии и только потом шли параграфы, посвященные италийским племенам. Такой порядок изложения был в известной мере традиционным; его можно найти в ранее изданных учебных пособиях по истории древнего Рима. В новом издании Н. А. Машкин перенес часть, касающуюся развития италийских племен, в начало главы. Такое расположение следует признать более целесообразным, так как оно переносит центр внимания читателя на развитие основной, автохтонной группы населения Италии.

Раздел «Италийские племена» (стр. 83) автор начинает в новом издании с критики старых буржуазных теорий, придававших исключительную роль в образовании различных народностей, в частности италиков, в том числе и римлян, переселениям — миграциям. Автор указывает, что данные археологии позволяют сказать, что «Италия — страна, заселенная с давних времен, и некоторые культурные традиции восходят к самым отдаленным временам. Переселенцы не разрушали того, что было создано, а смешивались с туземным населением, и создавались новые этнические образования» (стр. 83). Далее автор приводит краткие сведения об историческом развитии древнейших италийских племен: лигуров, сикулов, сиканов и др.

Политическая история этрусков в новом издании излагается в связи с общей историей Средиземноморья: финикийской колонизацией, проникновением греков в западную часть Средиземного моря, их соперничеством здесь с другими народами. Приводятся конкретные исторические факты: битва при Алалии в 535 г., союз этрусков с умбрами и нападение на Кумы в 524 г. и т. д. Такое изложение истории этрусков преодолевает существовавшую раньше в учебных пособиях оторванность истории Запада от событий на Востоке и в греческом мире.

Наконец, в новом издании из четвертой главы в следующую главу перенесена характеристика древнего Лация. Здесь эта характеристика, по сравнению со старым изданием, расширена, выделена в специальный раздел и непосредственно связана с вопросом о возникновении города Рима. Такое размещение материала следует признать более целесообразным, так как оно создает единую картину развития Рима с древнейших времен.

Также следует одобрить перемещения, сделанные автором в следующем разделе — «Эпоха ранней республики». В новом издании в начале этой главы речь идет о внешней политике Рима, его отношениях с соседями, нашествии галлов, а затем автор переходит к изложению внутренней истории Рима, борьбе патрициев и плебеев.

В первом издании учебника Н. А. Машкина изложение внутренней истории ранней республики дробилось на две части. Рассказ о борьбе патрициев и плебеев доводился до 445 г. — закона Канулея, и прерывался вставкой части о внешнеполити-

ческой истории, причем читатель должен был возвращаться к событиям конца IV в. до н. э.; изложение внешней политики велось до 70-х гг. III в., после чего следовал рассказ о борьбе патрициев и плебеев, который вновь заставлял читателя вернуться к середине V в. до н. э.

Вопрос о последовательности изложения и размещении материала по внешней и внутренней истории ранней республики в учебных пособиях представляет вообще большую сложность. Во втором издании своего учебника Н. А. Машкин, по нашему мнению, нашел более удачное решение этой задачи. Говоря о войнах, которые велись Римом в начале V в., автор показывает роль плебса, его значение вообще в жизни Римской республики, облегчая тем самым понимание многих явлений в истории борьбы патрициев и плебеев. Внутренняя история ранней республики при таком расположении излагается последовательно, без перерывов, что создает цельность представления об этих событиях.

Разделение же внешней политики Рима на два периода представляется более закономерным, так как войны Рима в начале V в. и завоевание Италии все же представляют собой различные темы. Изложение внешней политики не оказалось при этом оторванным от внутривнутриполитических событий, что следует поставить в заслугу автору.

Весь этот раздел пополнен фактическим материалом, несколько скудным в первом издании. Например, подробнее говорится о войне с самнитами, о роли куманских греков, о борьбе с соседними латинскими городами; автор обстоятельнее останавливается на отдельных эпизодах борьбы патрициев и плебеев.

Положительным фактом является введение автором в эту главу критики римской традиции об этой борьбе (стр. 126); вместе с тем автор не оправдывает «то сверхкритическое направление, какое в новейшее время представлено было Пайсом, считавшим римскую историю достоверной только с III в. до н. э.» (стр. 126). Введены сведения (данные петитом) о полемике, которая ведется по вопросу о достоверности законов Лициния и Секстия. Указывается на разработку этого вопроса в советской науке. В конце главы дано заключение о результатах борьбы патрициев и плебеев, о том значении, которое она имела в истории Римской республики.

Следующие главы учебника мало изменены в новом издании. Существенной является переработка параграфов о хозяйственном развитии Рима в конце III в. до н. э. Главный акцент ставится на развитии рабовладельческих элементов и разрушении старых патриархальных отношений. В главе, посвященной Первой Пунической войне, в новом издании полнее и отчетливее определены римско-карфагенские противоречия, приведшие к Пуническим войнам. В главе XXI часть, касающаяся экспедиции Красса против парфян, несколько расширена и пополнена конкретными историческими фактами. В старом издании эта часть столь кратка, что не создает должного представления о значении этой войны для последующей истории Римского государства.

В главе XXII, трактующей о деятельности Цезаря, автор вполне правильно заменил название последнего параграфа — «Борьба за военную диктатуру» — названием «Результаты гражданских войн и диктатура Цезаря». В эту главу внесены новый параграф «Цезаризм». Здесь автор указывает на характерные для цезаризма черты сдвигания между борющимися социальными группами и ориентировки на армию.

Значительно полнее изложен вопрос об обеспечении колоната в историко-юридической литературе. Н. А. Машкин сообщает о ряде важных выводов по истории колоната, сделанных русскими учеными, и указывает, что «только марксистско-ленинское учение об общественном развитии может объяснить зарождение и развитие колонатных отношений» (стр. 503). Несколько отличается от старого издания текст параграфа «Происхождение новозаветного канона» главы XXXII — «Римская культура». В старом издании о христианстве говорилось, что оно «получило космополитический характер». В новом издании это не вполне точное выражение заменено более правильным определением. Н. А. Машкин пишет, что «основной чертой ее (новой религии. — О. С.) является прозелитизм, стремление вовлечь в общины людей разных племен и общественных состояний» (стр. 550).

В начале главы XXXVI — «Внутренняя жизнь империи во второй половине III в.

введена краткая, но отчетливая характеристика кризиса III в.; этого не было в первом издании, где изложение начиналось с роли армии в III в. Между тем такое введение представляется очень важным, так как в нем отмечаются основные черты этого кризиса. Расширены также и другие разделы этой главы: «Роль армии», «Децентрализация торговли и промышленности». В характеристике экономических явлений того времени автор резко подчеркнул натуральность хозяйства, примитивность средств производства.

В заключительной главе, говоря о росте феодальных элементов, Н. А. Машкин специально останавливается на особенностях исторического развития на Востоке.

Покойным Н. А. Машкиным была проделана большая работа по пересмотру текста учебника в целях наилучшего распределения его на корпус и петит. Устранены некоторые неувязки, существовавшие в первом издании. В корпус внесены важные места, оказавшиеся в первом издании в петите, например: высказывание Энгельса о происхождении плебеев (стр. 111), указание Маркса относительно концентрации земельной собственности (стр. 133), характеристика Аммиана Марцеллина, события политической борьбы во время первого триумvirата (стр. 324) и т. д. В то же время ряд несущественных сведений вынесен в петит, например: биографические данные и личные характеристики императоров династии Антонинов, Северов и т. д.

Во втором издании автор шире привлекает археологический материал, добытый раскопками последних десятилетий. Так, характеризуя социальный строй этрусков, Н. А. Машкин указывает на памятники материальной культуры из раскопок у Марциботто. Археологическими данными пополнена и часть главы, касающаяся этрусской религии и культуры. В частности, указывается на недавно открытую этрусскую статуарную группу копца VI — начала V в. до н. э. — Энея, несущего своего отца Анхиза. «Эта находка свидетельствует, — пишет Н. А. Машкин, — о знакомстве этрусков с этим мифом» (стр. 101).

Интересные новые археологические сведения приведены о торговых связях Рима царской эпохи с соседними племенами. На основе археологических памятников, в частности керамики, заново разработан вопрос об отношениях Рима с италийскими племенами в раннереспубликанский период. Данные археологии привлечены и для характеристики торговли в конце III в. до н. э. и т. д.

Н. А. Машкин заново пересмотрел и обновил иллюстрации. Среди новых иллюстраций обращают на себя внимание портреты римских императоров, воспроизведенные с бюстов, хранящихся в Эрмитаже.

В новом издании помещено большое количество снимков с монет, что имеет серьезное познавательное значение, знакомя читателя с этим важным первоисточником. Подбор монет сделан очень удачно. Приведенные монеты свидетельствуют о политических событиях, о лозунгах борющихся политических группировок и т. д.

Замеченные в первом издании мелкие ошибки и опечатки устранены, но, к сожалению, появились новые. Так, например, Агафокл на стр. 167 назван тиранном карфагенским; на стр. 262 сказано, что в когорте было два манипула, хотя на следующей странице говорится уже о трех; на стр. 567 под иллюстрацией, представляющей остатки театра одного африканского города, значится подпись «Театр в Сорбоне» и др.

Заканчивая обзор нового издания учебника по древнему Риму, уместно остановиться на том, в какой мере автор посчитался с пожеланиями и замечаниями, которые высказывались в рецензиях и устных выступлениях. Учебник Н. А. Машкина неоднократно рецензировался в советской печати, а равно и болгарским ученым Хр. Дановым.

Надо признать, что многие, наиболее существенные указания критики автором были приняты и в соответствии с ними он произвел изменения в своей работе. Это касается, например, замечаний К. К. Зельши о римской исторической традиции, критики этой традиции при изложении истории борьбы патрициев и плебеев, недостаточной заостренности критики зарубежной историографии, в частности англо-американской (Е. М. Штаерман и др.), характеристики римского цезаризма (С. Л. Утченко и др.); это также касается расширения сведений о колонате, пополнения разделов по русской историографии и т. д.

Некоторые критические замечания, отмеченные рядом рецензентов и важные по нашему мнению, остались автором не учтенными. Из подобных замечаний укажем на более существенные. В учебнике очень кратко изложена внутренняя история Рима во время Пунических войн, история классово-борьбы, аграрного движения, взаимоотношений с союзниками и т. д. На это указывали многие рецензенты (Д. П. Каллистов и др.). Хотя введена общая характеристика и намечены линии развития Восточной Римской империи, но это нельзя считать достаточным. Эта часть требует более детальной разработки. Продолжает существовать неравномерность в распределении материала по истории империи, на что указывал К. К. Зельин; первым двум векам отведено и в новом издании место, вдвое большее, чем последним трем (169 страниц и 75 страниц). Попрежнему отсутствует очерк истории культуры поздней империи (с III в.), на что указывали Д. П. Каллистов, К. К. Зельин, М. Штаерман и др.

Хотя автор и ввел в новое издание раздел о цезаризме, но, к сожалению, он не указал на отличие римского цезаризма от цезаризма фашистского времени. Это тем более досадно, что в своей монографии «Принципат ~~Рима~~» Н. А. Машкин подробно разработал этот вопрос.

В общем покойным Н. А. Машкиным при подготовке нового издания его книги была проделана большая, чрезвычайно тщательная работа. Мы имеем здесь еще раз свидетельство того, с каким усердием, с какой добросовестностью и с какой любовью к делу он относился в каждой своей работе.

Тщательно перерабатывая свою книгу, Н. А. Машкин стремился создать возможно лучший советский учебник по истории Рима, стремился сделать все возможное для того, чтобы облегчить советскому студенчеству усвоение этого предмета.

Рецензируемая книга Н. А. Машкина, как и другие его труды, останется лучшим памятником этого замечательного советского ученого.

В заключение нельзя не остановиться на статье М. Н. Перегудова, опубликованной в журнале «Вестник высшей школы», № 8, 1950 г., вышедшей уже после появления второго издания учебника Н. А. Машкина. Статья называется «Вопросы исторического материализма в учебниках по истории», но останавливается автор преимущественно на «Истории древнего Рима» Н. А. Машкина, касаясь, кроме того, мимоходом учебника по истории Рима С. И. Ковалева и труда В. Н. Дьякова «История римского народа в античную эпоху».

Автор делает ряд критических замечаний об учебнике Н. А. Машкина, которые вызывают самые серьезные и резкие возражения. Остановимся на наиболее существенных из них. Автор упрекает Н. А. Машкина в том, что он осуждает политическую тенденциозность древних авторов, ради которой они жертвовали исторической истиной. М. Н. Перегудов считает, что ложное представление о недостоверности древних авторов, в частности Тита Ливия, выработанное буржуазной историографией, пришедшей «к агностицизму, к отрицанию познаваемости мира» (стр. 59), перенесено и на страницы учебника Н. А. Машкина.

Обвинение это не имеет никакого основания. Во-первых, Н. А. Машкин не отрицает достоверности древних авторов, в частности и Тита Ливия. В разделе «Историография древнего Рима» он резко выступает против утверждения гиперкритиков, полностью отрицающих достоверность римской традиции и сообщений ряда античных авторов. Не отрицая достоверности античных авторов, Н. А. Машкин на протяжении всего учебника, а равно и всех своих трудов, проявлял необходимое для советского ученого критическое отношение к свидетельствам древних авторов. Н. А. Машкин неоднократно указывал на особые черты античной историографии, ее классовую обусловленность, введение иррационального момента, преувеличение роли личности, политическую тенденциозность отдельных сообщений и т. д. и т. д., но в то же время устанавливал степень достоверности сообщений того или иного автора. М. Н. Перегудов, выдвигая подобное обвинение, обнаруживает совершенное непонимание основ подлинно-научной, марксистской критики источников.

Во-вторых, обвинив на стр. 59 Н. А. Машкина в отрицании достоверности древних авторов, в частности Тита Ливия, и осудив критику Н. А. Машкиным источников,

М. Н. Перегудов на следующей странице выдвигает противоположное обвинение: в том, что Н. А. Машкин «не отделяет достоверное от домыслов и фальши», причем в качестве примеров этой фальши и «явных абсурдов» приводит выдержки из того же самого Тита Ливия. Обвиняя Н. А. Машкина в том, что он под видом «исторического факта» приводит материал легендарный и уклоняется от раскрытия этих легенд (легенды о Горациях и Куриациях), автор статьи умалчивает, что Н. А. Машкин, передавая эти легенды, везде указывает на то, что «так рассказывает об этом римская традиция», что цель помещения этих легенд — познакомить читателя с характером древнейшей римской традиции. Критика этой традиции дана Н. А. Машкиным на стр. 105—107 учебника, чего не мог не заметить М. Н. Перегудов.

Одним из наиболее серьезных недостатков учебника автор статьи считает отсутствие необходимого материала по вопросу о происхождении государства. Однако вопрос о происхождении государства М. Н. Перегудов путает с вопросом о происхождении плебеев. Автор статьи пытается уличить Н. А. Машкина в том, что, говоря о революции Сервия Туллия, он упоминает об этой революции, но «изображает события так, что якобы ничего не произошло» (стр. 61).

Революция Сервия Туллия в книге Н. А. Машкина посвящен параграф пятый главы V. В нем подробно описаны ход и сущность этих событий. В заключении указывается, что «реформа Сервия Туллия была настоящей политической революцией, завершающей переход к государству. Она свидетельствует о том, что древнее деление общества не могло далее сохраняться» (стр. 115). Таким образом, Н. А. Машкин указывает, что «произошел переход к государству», чего критик не «разглядел» в учебнике.

Существенным пороком этой статьи, свидетельствующим как о некомпетентности автора в области древней истории, так и об игнорировании указаний классиков марксизма об особенностях развития древнего общества, является оценка патрициев и плебеев как антагонистических классов (стр. 61). Автор статьи здесь вступает в явное противоречие с указаниями классиков марксизма-ленинизма по основному вопросу истории древнего мира — вопросу об общественной формации.

Товарищ Сталин в Кратком курсе истории ВКП(б) указывает: «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину» (стр. 119). И далее товарищ Сталин говорит: «...здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами» (там же).

Таким образом, товарищ Сталин указывает на рабов и рабовладельцев как на антагонистические классы при рабовладельческой формации. М. Н. Перегудов же говорит, что антагонистическими классами были патриции и плебеи. Такое понимание М. Н. Перегудовым основных противоречий рабовладельческого общества очень далеко от марксизма.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно высказывались по вопросу о социальной структуре римского общества. В работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» имеется прямое и ясное указание о плебейх. «Они (т. е. плебеи.—О. С.), — читаем мы на стр. 132 (изд. 1950 г.) — были лично свободные люди, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе завоеванных государственных земель. Они составляли лишенный всех публичных прав плебс». Далее Энгельс указывает: «Вдобавок к этому земля была, повидимому, почти равномерно распределена между *patricii* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса» (стр. 133).

В заключении главы VI «Род и государство в Риме» Энгельс указывает: «... в рамках этого строя движется вся история римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением в конце концов патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов...» (стр. 134).

Таким образом, характеристика Энгельсом плебеев как людей лично свободных, борьба которых с патрициями велась за должности и эксплуатацию *ager publicus*, не имеет ничего общего с трактовкой плебеев М. Н. Перегудовым.

Следующее место, заслуживающее внимания в статье М. Н. Перегудова, касается его упрека Н. А. Машкину, что последний говорит о слиянии в дальнейшем развитии римского общества «патрициев и плебеев в один народ». Здесь дается ссылка на стр. 114. На этой странице Н. А. Машкин говорит о слиянии «патрициев и плебеев в один *populus*». Даже элементарного знакомства с историей древнего мира достаточно для того, чтобы знать, что «*populus*» в античном смысле этого слова означал совокупность полноправных граждан и вовсе не был равнозначным нашему понятию «народ». В учебнике, в полном соответствии с указаниями Энгельса, говорится: «К концу IV в. сохранившиеся патрицианские роды вместе с верхушкой плебеев составили привилегированную социальную группировку — *нобилитет*» (стр. 151).

Остановимся еще на одном вопросе, затронутом в этой статье, — обобщении в том, что в учебнике Н. А. Машкина во всех главах и для всех периодов указывается, что сельское хозяйство продолжало оставаться основной отраслью италийской экономики, и что Н. А. Машкин игнорирует указание Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производят, а тем, как производится, каким способом». Данное место в статье Перегудова является ярким примером недобросовестной критики. Он берет из текста отдельные фразы и умалчивает, что для каждого периода римской истории у Н. А. Машкина имеются специальные главы, где говорится, какие черты характерны для экономики, и в первую очередь сельского хозяйства, как ее главной отрасли, для того или иного периода; в этих главах Н. А. Машкин подробно останавливается на том, «каким образом производят».

Вряд ли стоит останавливаться на остальных замечаниях М. Н. Перегудова: только незнанием истории древнего Рима можно объяснить его трактовку Латинской войны как «подлинного восстания» (стр. 26), его оценку результатов восстания Спартака как «коренной ломки рабовладельческого уклада» (там же) и т. д.

Критика, данная М. Н. Перегудовым, никак не способствует улучшению учебных пособий по древней истории, а, наоборот, может только запутать читателя.

О. И. Севастьянова

Ж. Ф. ШАМПОЛЬОН, О египетском иероглифическом алфавите.
Перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, 271 стр., цена 15 руб.

Указанная работа Шампольона была напечатана впервые в 1822 г. в Париже. «Тотчас после выхода в свет этой книги, — пишет И. Г. Лившиц, — в «Сын Отечества» была помещена обширная статья, излагавшая довольно подробно положения Шампольона о системе египетского письма. Автор статьи отмечал литературные достоинства труда, особенно его первых глав, стройность композиции, ясность языка и точность изложения, благодаря которым «читая эти главы, можно подумать, что читаешь математическое творение» (стр. 230). Прошло более 125 лет после того, как были написаны эти строки Василием Берхом, неоднократно писавшем о Шампольоне и впоследствии (стр. 230, прим. 4), и тем не менее рецензия Берха не только не потеряла своего значения, но оказалась правильной и в наши дни, когда основы египтологии, заложенные Шампольоном, получили свое дальнейшее развитие в работах египтологов XIX и XX вв.